

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ былинъ Японской войны).

(Продолженіе ¹⁾).

Было насъ плѣнныхъ на работахъ человекъ десять, разныхъ полковъ и командъ, а китайцевъ нѣсколько сотъ. Почему насъ въ Японію не отправляли, сказать не берусь, должно какую оказію ждали, а пока что, чтобы даромъ значить японскаго хлѣба не ѣли, работать заставили. Работа была тяжелая. За день такъ измаешься, что къ вечеру ни рукъ, ни ногъ не чувствуешь. Однако, японцы намъ всетаки довѣрія не оказывали и, какъ поужинаемъ опосля работы, тотчасъ же руки и ноги веревками связывали и часового ставили. Ночевали мы тутъ же неподалеку отъ дороги. Изъ китайцевъ тоже многіе, которые изда-лека пришедши были, тоже ночевали въ полѣ, близъ дороги, только отдѣльно отъ насъ.

Раскинулъ я себѣ умомъ и такъ и эдакъ и давай дѣйствовать. Перво на перво уговорился съ однимъ китайцемъ; рядомъ рабо-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

тали. Обѣщаль онъ мнѣ, что, коли я ночью къ нимъ въ деревню приду, одежду мнѣ кое-какую дать китайскую, впромѣнъ на мою— а на мнѣ сапоги были добрые, почитай что новые, рубаха русская, кумачная, приглянулась китаезу стало быть—а затѣмъ проводить горами до другой деревни, гдѣ мнѣ помогутъ схорониться на первое время, если японцы искать начнутъ. Порѣшивъ съ этимъ дѣломъ, повелъ я свою линію далѣе. Надо лишь было прикинуться больнымъ, чтобы, значить, отлежаться къ вечеру, силы набраться... Ну это дѣло не хитрое. Какъ зачало солнце сильно допекать, я хлопъ на землю и начало меня кочережить... Должно здорово ловко изобразилъ я имъ это все. Взяли мени японцы за голову и за ноги, оттащили въ сторонку, подъ камни положили. Одинъ водою голову поливаль, другой мокрую тряпку на грудь клалъ... Долго бился я, наконецъ, успокоился и прикинулся быдто сплю. Оставили меня японцы лежать, однако, разсобачьи дѣти, руки и ноги все-таки же связали. Къ вечеру пришелъ въ себя, поужиналъ и спать легъ, быдто ослабѣлъ шибко. Другіе товарищи такъ за день умаялись, что какъ залегли, такъ разомъ и захрапѣли, а я лежу, да тихонечко руки изъ узловъ выпутываю. Бился долго, наконецъ, выпуталъ, мѣстами кожу до крови стеръ, ну да на это глядѣть не приходится. Выпуталъ руки, сталъ ноги распутывать; ну это полегче было. На счастье ночь темная выдалась. Часовой, что стоялъ около насъ, должно изъ очень молодыхъ попался, непримѣтливый. Ходить въ сторонкѣ и не смотреть. Наконецъ, пересталъ ходить, остановился, оперся на ружье и задумался...

Вижу я дремлетъ парень. «Ну, думаю, Петра Петровъ, коли хотишь свободну быть, не робѣй, да и не зѣвай?» Помолился я тутъ про себя своему ангелу и поползъ. Подползъ къ часовому шага на два, гляжу, а онъ спитъ сердечный, качается п ружье едва едва въ рукахъ держитъ. Ну, тутъ я перекрестился, собрался съ духомъ, да какъ вскочу. Хватъ ружье у японца изъ рукъ, да его штыкомъ въ грудь, такъ насквозь и просадилъ... Спросонковъ даже и не крикнулъ. Другіе японцы въ сторонкѣ спали, тоже не слышали. Прикололъ я часового и давай Богъ ноги... Отродясь такъ не бѣгиваль. Добѣжалъ до деревни, прямо къ китайцу, съ которымъ уговоръ имѣлъ, тотъ не спитъ—ждетъ. Хорошій человекъ оказался. Мигомъ скинулъ я всю свою одеженку, напялил на себя китайское тряпье, одежду мою китайская «бабушка» унесла, спрятала, а мы съ китайцемъ живымъ манеромъ изъ деревни да въ горы. Всю ночь шли. На утро привелъ меня китаецъ въ одинокую

фанзу и сдалъ съ рукъ на руки другому; тотъ на день схоронилъ меня подъ стрехой крыши, туда и ѣсть носилъ. Отлежался я у него день, а ночью побрелъ дальше, напередъ обривши усы, бороду и голову. Вотъ уже поболѣ недѣли въ горахъ плутаю. Изъ горъ то выйти боязно, потому что повсюду японскіе сторожевые посты стоятъ; надо выждать, какъ японцы немного впередъ продвинутся, тогда легче будетъ какъ нибудь въ долины пробраться... Первые дни я заходилъ въ китайскія деревушки, раздобывалъ себѣ чего-нибудь поить, а вотъ послѣдніе дни такъ брожу, къ китайцамъ захоditъ опасаясь, какъ бы не выдали. Когда японцы далеко, китайцы ничего себѣ, довѣриться можно; ну а когда тѣ близко, китайцы повсегда выдастъ потому самому, что больно они ихъ боятся... Ну, а вы, ваше б-іе, какъ же думаете быть? Долго намѣрены здѣсь оставаться?

— Вотъ, какъ немного нога подживетъ, тогда и попробую пробираться къ своимъ, отвѣтилъ Катеньевъ.—И не одинъ, а съ невѣстой; вотъ и не знаю, какъ это все устроится.

— Устроить трудновато, что и говорить, а только и унывать очень нечего. Никто, какъ Богъ. Надо только барыню переодѣть китайченкомъ. Мущиной имъ куда легче будетъ пройти, чѣмъ женщиной. Покрайности китайцевъ опасаться не надо будетъ. Пуццай думаютъ, что молъ мальчикъ, русскій; это надежнѣй, а то до бабъ они охочи... А второе—необходимо намъ какое-нибудь оружіе раздобыть. Не противъ японцевъ, съ тѣми много не навоюешь; коли попадемся имъ въ лапы, все равно пропасть надо, съ оружіемъ ли, безъ оружія ли; а вотъ противъ китайцевъ оружіе необходимо. Китайцы такой народъ, что безоружнаго скорѣй обидятъ и японцамъ скорѣе выдать могутъ, а коли увидятъ, что мы вооружены, у нихъ тогда много больше почтенія къ намъ будетъ: сами напасть не рѣшатся и японцевъ не наведутъ. Я это говорю такъ, потому хорошо натуру ихъ знаю... Надо безпремѣнно какое-нибудь оружіе раздобыть.

— У меня револьверъ есть, сказалъ Катеньевъ.

— Видѣлъ. Револьверъ это хорошо, а еще лучше, кабы два ружья добыть. Одно вашему б-ію, одно мнѣ, а револьверъ мы на барыню повѣсимъ. Будетъ и барыня тоже съ оружіемъ.

— Легко сказать, два ружья, а гдѣ ихъ достать?

— Достать то оно, конечно, трудновато, согласился Петровъ, но попытаться можно. Перво-на-перво надо хозяина спросить. Можетъ ему удалось какъ нибудь раздобыться ружьемъ въ ту

пору, какъ вашъ развѣдъ расколошматили. Только бы одно ружье достать, да нѣсколько патроновъ къ нему, а за другими дѣло не станетъ! добавилъ онъ, загадочно ухмыльнувшись.

Когда вечеромъ вернулся Фу-ин-фу, онъ сначала очень испугался, увидѣвъ новаго жильца, но Петровъ сразу же успокоилъ его, бойко заговоривъ съ нимъ по китайски. Долго переговаривались они, послѣ чего Фу-ин-фу куда то ушелъ и вернулся, неся казачью винтовку и патронташъ, полный патроновъ. Петровъ не ошибся. Фу-ин-фу дѣйствительно успѣлъ спрятать одну изъ винтовокъ, найденную имъ въ кустахъ, послѣ ухода японцевъ, уничтожившихъ отрядъ Катеньева... Русскія винтовки были въ цѣнѣ среди китайцевъ и Фу-ин-фу рассчитывалъ при случаѣ продать ее хунхузамъ.

— Ну вотъ и отлично, обрадовался Петровъ, радостно хватая винтовку изъ рукъ Фу-ин-фу; теперь мы скоро и другую доставимъ.

X.

Два дня прожилъ Петровъ въ пещерѣ, гдѣ ютился Фу-ин-фу, и оба дня почти все время спалъ. Ълъ онъ много и прожорливо; очевидно изголодался парень. На третій день къ вечеру онъ явился къ Катеньеву съ ружьемъ за плечами и небольшимъ мѣшкомъ за спиной, съ провизіей, заключающейся въ нѣсколькихъ кукурузныхъ лепешкахъ и большомъ кускѣ вареной свинины.

— Ну, ваше б-іе, весело улыбаясь, началъ Петровъ, влѣзая въ пещеру; пока что, прощенья просимъ.

— Ты развѣ идешь куда? нѣсколько удивился Катеньевъ.

— Такъ точно. Надоть винтовку раздобыть, да еще кое-что на дорогу.

— Постоить, да ты съума сошелъ? испугался даже Катеньевъ, съ перваго слова понявъ намѣреніе Петрова.— Развѣ можно... вѣдь если ты убьешь тутъ по близости какого японца, мы пропали... Японцы всѣ горы обрыщутъ и найдутъ насъ тутъ...

— Не извольте беспокоиться! Нѣшто я безъ понятіевъ, послѣдшилъ успокоить его Петровъ.— Я верствъ за 40, али больше, уйду отсюда, у меня и мѣсто намѣчено... Вы, ваше б-іе, сидите тутъ безъ сумнѣнія и ждите. Ежели день черезъ 5 меня не будетъ, то стало быть я убитъ, а только думается мнѣ, что вернусь благополучно, и тогда мы отправимся всѣ вмѣстѣ. Со мной вамъ куда сподручнѣе

будетъ, потому языкъ китайскій знаю, и обычаи ихъ всё мнѣ доподлинно извѣстны. Фу-ин-фу пуцдай только дорогу указываетъ, а остальное мое дѣло.

Петровъ говорилъ такъ спокойно, съ такой увѣренностью, что эта увѣренность невольно передавалась Катеньеву и Надеждѣ Ивановнѣ.

— Молодчинище стрѣлокъ, похвалилъ Катеньевъ Петрова, когда тотъ ушелъ.—Кабы сотню такихъ набрать, можно бы невѣсть Богъ какихъ дѣлъ надѣлать.

Съ этого дня всё начали готовиться въ походъ.

Нога Катеньева еще побаливала, но онъ рѣшилъ не обращать на это вниманія. Онъ надѣялся на силу своего духа, который поможетъ ему побороть физическую боль. Долше оставаться было опасно. Каждый день они могли быть открыты, и къ тому же могли завязаться бои, послѣ которыхъ русская армія могла отступить еще дальше.

Фу-ин-фу, рѣшившійся окончательно связать свою судьбу съ судьбой его русскихъ гостей, отправилъ пока свою жену въ соседнюю деревню, а самъ занялся приготовленіями къ далекому и трудному пути. Согласно совѣту Петрова, который онъ вполне одобрилъ, Фу-ин-фу досталъ для Надежды Ивановны мужской китайскій костюмъ и помогъ ей заплести косу по китайски. Въ этомъ костюмѣ, загорѣлая, обожженная солнцемъ, она выглядѣла хорошенькимъ мальчикомъ подросткомъ. Для Катеньева тоже была припасена китайская одежда. Одновременно съ этимъ старуха, жена Фу-ин-фу, напекла цѣлую гору кукурузныхъ лепешекъ; запаслись китайскимъ чаемъ и даже бутылкой ханшина.

На всё эти приготовленія потребовалось не болѣе 2 дней. Стали дожидаться Петрова. Теперь, когда походъ былъ окончательно рѣшенъ, всѣми овладѣло нетерпѣніе поскорѣе пуститься въ путь, испытать счастье.

Катеньевъ волновался больше всѣхъ. Изъ суевѣрнаго страха онъ не хотѣлъ обсуждать вслухъ подробности предстоящаго похода и загадывать о его удачномъ окончаніи, но про себя онъ постоянно думалъ объ этомъ. Иногда ему казалась вся затѣя невыполнимой; другой разъ, напротивъ, онъ живо представлялъ себѣ, какъ они, преодолевъ всё препятствіе, трудности и опасности, доберутся, наконецъ, до русскихъ войскъ. Онъ ярко рисовалъ себѣ картину встрѣчи съ товарищами и знакомыми и въ такія минуты сердце его усиленно билось и духъ захватывало отъ волненія.

Надежда Ивановна тоже волновалась; ее больше всего беспокоило сомнѣніе, хватить ли у Катеньева силы преодолѣть тяжести пути; она очень боялась, чтобы дорогой ему не стало хуже и раны его не открылись. О себѣ она не думала вовсе. Она мысленно горячо молилась и просила у Бога помощи. «Господи, соверши чудо!» шептала она про себя, украдкой поднимая глаза къ небу.

Безпокоился немного и Фу-инъ-фу. Онъ зналъ, что, въ случаѣ неудачи предпріятія, ему не миновать японской петли. Впрочемъ, какъ всѣ сыны востока, Фу-инъ-фу былъ въ большой степени фаталистъ и успокаивалъ себя сознаніемъ, что тому, чему быть, того не миновать.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали Петрова, какъ бы инстинктивно ища въ немъ руководителя и опору.

Къ вечеру пятого дня Катеньевъ и Надежда Ивановна такъ волновались, ожидая возвращенія Петрова, что не могли спать, и вышли присѣсть на свое любимое мѣстечко, къ подножію огромнаго камня, заслонявшаго пещеру. Ночь была темная, хотя и безоблачная. На недосыгаемой глубинѣ неба, точно огоньки далекой иллюминаціи, ярко горѣли безчисленныя звѣзды. Надежда Ивановна засмотрѣлась на нихъ и ей стало невольно грустно. По сравненію съ этой волшебной-грандіозной картиной недоступныхъ человѣческому уму пространствъ, какой ничтожной соринкой являлась ей вся земля; а всѣ ихъ собственныя страданія, горести, мечты и неудачи, наконецъ сами они, казались, чѣмъ то столь несоизмѣрно малымъ, столь ничтожнымъ, что ей даже стало жутко...

— Этого не бойся. Насъ не разлучить даже сама смерть. Мы или пробьемся съ тобой оба, или оба умремъ. Другого выхода намъ нѣтъ...

— Да, это такъ, просто согласилась молодая дѣвушка. — Что бы ни случилось, ни ты меня, ни я тебя не бросимъ... Наши жизни теперь какъ бы слились въ одну... Потомъ, можетъ быть, онѣ вновь разъединятся, а пока мы съ тобой одно существо. Не правда ли?

Вмѣсто отвѣта Катеньевъ только крѣпко пожалъ ея руку. Въ эту минуту гдѣ-то очень очень далеко бухнула пушка. Оба насторожились. Выстрѣлъ повторился еще и еще. Въ мертвой тишинѣ ночи ухо едва-едва могло уловить неясные звуки.

— Канонада! тихо шепнулъ Катеньевъ. — Слышишь орудійные залпы?

— Гдѣ это? слегка вздрагивая, шепотомъ задала вопросъ Надежда Ивановна.

— Трудно опредѣлить. Но только очень далеко. Навѣрно идетъ бой. Что-то будетъ? Даль бы Богъ, чтобы наши одолѣли... Можетъ быть наши прогонять японцевъ и подойдутъ сюда?

— Можетъ быть. Хотя докторъ нашъ, когда я съ нимъ прощалась, увѣрялъ, будто мы будемъ принуждены снова отступить.

— Что ваши доктора понимаютъ въ боевомъ дѣлѣ! съ досадою произнесъ Катеньевъ. — А я такъ, напротивъ, убѣжденъ, что на этотъ разъ наши побѣдутъ японцевъ, вотъ увидишь.

— Дай Богъ. Однако, канонада все усиливается. Должно быть дѣло разгорается не на шутку.

Дѣйствительно, выстрѣлы становились все явственнѣе. Не было сомнѣній, что это гремятъ залпы одновременно изъ массы орудій.

— Господи, сколько опять крови прольется, сколько будетъ новыхъ несчастныхъ калѣкъ, сиротъ и вдовъ... Какая ужасная вещь война!

— Какъ тебѣ сказать, съ одной стороны посмотрѣть дѣйствительно ужасная, а съ другой—ничего... Напротивъ, даже въ войнѣ есть много своеобразной прелести... Не умѣю я этого объяснить, но чувствую... Ишь какъ жарнуло... Трррахъ. Это очевидно японскія орудія. Наши стрѣляютъ еще дальше, а потому ихъ меньше слышно.

сково спросилъ Катеньевъ, стараясь взглянуть въ темнотѣ въ лицо Петрова.

— Слава Богу... Вотъ два ружья принесъ, патроновъ сотни двѣ и лѳза ²⁾ японскаго... хорошій лѳза, съ сѣдломъ... Теперь вашему благородію и барынѣ почитай пѣшкомъ и идти не придется. Лѳза такая здоровенная, двоихъ повезетъ... Вотъ надо только мѣстечко ему выбрать получше, да привязать покрѣпче, чтобы не убѣгъ... Онь, впрочемъ, смиренный.

— Гдѣ же ты его досталъ? полюбопытствовалъ Катеньевъ.

— У японца выпросилъ, размѣялся Петровъ.—Опосля расскажу, а теперь дозвольте спать лечь; здорово заморился... Всю прошлую ночь и весь день шель. На что лѳза скотина и тотъ притомился, подь конецъ едва брѣлъ.

За спиной Петрова въ ночномъ мракѣ мерещилось что-то большое, массивное. Подойдя ближе Катеньевъ увидѣлъ великолѣпнаго, рослаго мула, засѣдланнаго японскимъ сѣдломъ.

— Хорошій мулъ, похвалилъ Катеньевъ, поглаживая животнаго по шеѣ.—Ну, чтожъ, давай привяжемъ, да надо ему хоть соломы принести... А и молодець же ты, Петровъ, право молодець; сказать по чести, я такихъ молодцовъ, какъ ты, еще и не видывалъ.

— Э, ваше б-іе, такіе ли молодцы бываютъ! усмѣхнулся Петровъ.

XI.

— Ну, такъ вотъ, ваше б-іе, началъ Петровъ; ежели уже такъ интересно знать, слушайте.

Они сидѣли всѣ трое въ пещерѣ Катеньева, куда Петровъ пришелъ послѣ того, какъ хорошо выпался и подкрѣпился съ дороги.

— Ушелъ я отъ васъ и долго бродилъ въ горахъ. Хотѣлось мнѣ повстрѣчать какого ни на есть японца, чтобы выпросить у него ружьишко, а только все не задача. По одному, даже по два встрѣчать не доводилось. Все командами. Сколько разъ близко-близко проходили. Лежу я или за камнями, или въ кустахъ и высматриваю. Идутъ желторожіе, лопочать между собой... Разъ офицеровъ ихнихъ видѣлъ. Ъдутъ двое на коняхъ и о чемъ-то разговариваютъ. Кони добрые, рослые, а сами ровно облизыяны, вотъ китайцы носятъ—показываютъ. Зазудѣла у меня рука, уже нацѣлился даже... Лежалъ это я ловко такъ, надъ самой дорогой, за большущими камнями. Имъ меня снизу не видать, а мнѣ какъ на ладони и цѣлить

²⁾ Лѳза—лошадь, мулъ.

ловко—лучше и не надо. Шагахъ въ 15—20 стрѣлять бы могъ; навѣрняка бы потрафилъ, сперва одного, а тамъ другого... Наладился, еще бы минутку и аминь... Глядь, а изъ-за поворота кавалеристовъ ихнихъ штукъ сто тянется... Ну, вижу не рука мнѣ стрѣлять... Ажъ вздохнулъ даже, такъ обидно показалось отпустить ихъ по добру по здорову... Такъ проходилъ я безъ толку почти что три дня... Разъ къ самому лагерю ихъ подобрался, полежалъ, посмотрѣлъ какъ у нихъ тамъ ихняя жисть происходитъ; вижу ни съ какого бока ничего не подѣлаешь и побрѣлъ дальше. Вотъ бреду я такъ горной тропкой, слышу копыта постукиваютъ. Шарахнулся я въ сторону, залѣгъ, поджидаю. Гляжу китаецъ идетъ и мула осѣдланнаго за собой тянетъ. Одѣтъ китаецъ чисто, винтовка за плечами, револьверъ сбоку, самъ рослый, плечистый, молодой еще. Подпустилъ я его поближе, да и выхожу. Сполохнулся тотъ было, за ружье хватается, а я ему и говорю: «не безпокойся, я тебѣ зла не сдѣлаю!» Услыхавъ это, китаецъ ружье оставилъ, видимо за своего принялъ, спрашиваетъ: «Откуда иду?»

Я тутъ ему и началъ брехать, что будто бы я иду наниматься къ японцамъ въ хунхузы.

«Напрасно», говоритъ, «идешь; они хунхузовъ сами не нанимаютъ. Это русскіе, тѣ сами нанимаютъ; у нихъ даже генералъ такой есть, изъ хунхузовъ войско собираетъ, а японцы не дураки, они вѣдаются только съ Тулисаномъ, да Фу-ин-хо; тѣ имъ хунхузовъ приводятъ и за каждаго поручиться могутъ. Оттого у русскихъ среди нанятыхъ ими хунхузовъ половина японскихъ шпионовъ, а у японцевъ такихъ ни одного на службѣ нѣтъ».

«Какъ же мнѣ быть?» спрашиваю.

«А такъ», говоритъ; «ступай въ Инкоо, тамъ теперь Фу-ин-хо живетъ; ежели онъ тебя приметъ—ладно, а не приметъ, самъ къ японцамъ лучше и не суйся. Взять не возьмутъ, а повѣсить могутъ».

Говорить онъ это, а самъ подозрительно на меня поглядываетъ. Вижу ясно, большое у него сомнѣніе насчетъ меня. По китайски говорю исправно, а обличіе у меня не китайское. Ну, думаю, пора, пока не догадался о чемъ не слѣдуетъ! Подошелъ ближе. Заговариваю.

«А ты, спрашиваю, кто таковъ?»

«Я», говоритъ, «переводчикомъ состою при японскомъ одномъ генералѣ, а посылали меня къ русскимъ, поемотрѣть, гдѣ ихъ ближайшіе посты и въ какихъ силахъ».

«Ну, что-жь, спрашиваю, узналъ?»

«Узналъ», отвѣчаетъ. «У Шахъ стоятъ, впереди Бенсиху, ка-

зачьи полки, а дальше пѣхота. Самъ видѣлъ. Тифангуанъ тамошній къ генералу русскому съ визитомъ ѣздилъ, а меня съ собой слугою взялъ; такой ему приказъ отъ японцевъ былъ. Приѣхалъ Тифангуанъ будто съ жалобой на русскихъ солдатъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы дать возможность нужныя мнѣ свѣдѣнія собрать».

Разсказываетъ онъ мнѣ это, а самъ глазъ съ меня не спускаетъ, да какъ вдругъ хватъ меня за горло:

«Кто ты такой?» кричитъ. «Ты не китаецъ, хоть и правильно говоришь по нашему».

Ну, вижу конецъ нашей бесѣды; пора дружкамъ по домамъ. Рванулся я отъ него въ сторону, изловчился, да какъ хватъ прикладомъ въ лобъ ему, ажъ хряснуло... и не пикнулъ. Опустилъ руку и словно бы присѣлъ... Тутъ я во второй разъ, но ужъ по тѣмени... Саданулъ такъ, что черепъ, какъ арбузъ, разсѣлся и мозги полѣзли. Упалъ и не пикнулъ. Выхватилъ я у него изъ рукъ поводъ, чтобы лѣза въ суетахъ не вырвалась, потомъ снялъ винтовку, патронташъ, револьверъ, вскочилъ «на лозу» верхомъ, да въ горы... Только и видѣли меня. Лѣза попался сильный, молодой. Какая бы кручь ни была, лѣзетъ, словно козелъ горный. Гдѣ можно ѣхалъ, гдѣ очень тяжело—въ поводу вель. Всю ночь брели, днемъ въ лѣсу хоронились, а на другую ночь и сюда добрался... Вотъ вамъ и сказкѣ моей конецъ. Теперь я такъ соображаю: двинемся мы отсюда прямо на Бенсиху, Фу-ин-фу пуцай дорогу указываетъ. Идти будемъ ночами, а днемъ хорониться, гдѣ доведется. Мѣстность тутъ все сплошь горы и лѣсовъ много, попадаютъ фанзы заброшенныя, спрятаться есть гдѣ. Ваше б-іе съ барыней по перемѣнкамъ на лѣзѣ ѣхать будете, а мы съ Фу-ин-фу пѣшими. Такимъ манеромъ вамъ много легче будетъ и мы, я думаю, ночи за три до Шахэ доберемся. Я уже переговорилъ съ Фу-ин-фу; онъ такъ же думаетъ, какъ и я... Въ китайскія деревни мы безъ крайней нужды заходить не станемъ, а въ пути, если и повстрѣчаемъ китайцевъ, то говорить съ ними будемъ я, да Фу-ин-фу, а вы оба молчите... Имъ тогда и въ голову никакого подозрѣнія не взбредеть... Теперь по горамъ мало ли вооруженнаго народу шатается. Ежели насъ за хунхузовъ принимать станутъ, и того лучше. Китайцы хунхузовъ шибко боятся и ни за что сами не затронуть и японцамъ выдавать не станутъ, потому поопасаются, чтобы другіе хунхузы не отомстили. Тѣмъ хунхузы и страшны всѣмъ мирнымъ жителямъ, что они другъ за друга держатся. Если въ какомъ селеніи ихъ выдадутъ, смотришь живо другая шайка явится и доказчикамъ головы прочь. Помните у насъ подъ Ляояномъ сколько разъ хунхузовъ пробовали ловить, а много

ли поймали! Жители всегда за нихъ были. Не только никогда не выдавали, а, напротивъ, всячески укрывали. Потому боялись мести со стороны товарищей тѣхъ хунхузовъ, которыхъ бы они выдали. Тоже самое и японцамъ они хунхузовъ никогда не выдадутъ. А это намъ и на руку...

С. Тютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

